

УДК 94(470)

О. К. Павлова

**ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ СОСЛОВИЕ.
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ
В ЦАРСКОЙ РОССИИ XIX ВЕКА**

ПАВЛОВА Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 195251, ул. Политехническая 29, Санкт-Петербург, Россия. E-mail: pavlovaok55@mail.ru.

Статья рассматриваются некоторые аспекты истории развития торгово-промышленного сословия в России. Особое внимание обращено на формирование законодательной базы развития предпринимательства, а также на мотивационные факторы расширения данного сословия. Рассмотрены политические, экономические, морально-этические условия развития торгово-промышленного сословия. Отмечены исторические особенности формирования и развития сословия, влияние государства на этот процесс. Автор обращает внимание на условия развитие фабрично-заводского законодательства, заинтересованность предпринимателей в законодательном регулировании их прав и отношений с рабочими. В статье нашли отражения мотивационные условия благотворительной деятельности торгово-промышленного сословия в России.

РОССИЯ; ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ СОСЛОВИЯ;
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО; МОТИВАЦИЯ РАЗВИТИЯ; ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВЛИЯНИЕ; ФАБРИЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО; БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Российское законодательство в сфере регулирования торгово-промышленной деятельности конца XVIII века основывалось на принципах сословности. Наиболее важными документами в этой области были: «Устав купеческого водоходства» 1781 года, «Городовое положение» 1785 года и «Устав о цехах» 1799 года. Эти документы явились истоками законодательного развития предпринимательской деятельности в XIX веке. В начале XIX века, особенно после победы над

Наполеоном, в России возрастает интерес к коммерции. В это время издавались труды иностранных (А. Смита, А.К. Шторха и др.) и российских (Н.С. Мордвинова и др.) экономистов. В трудах Н.С. Мордвинова – реформатора отечественной финансовой системы и председателя Вольного экономического общества в 1823–1840 годы анализировались российские особенности. По его мнению, частный интерес предполагал наличие твердых законов, оберегающих частную собственность, её свободу от посягательств и правосудие. Частный интерес не может быть удовлетворен без свободы труда и личности, без свободы хозяйственной деятельности. Он выражался ясно: по уставу самой природы никакой торг, никакое ремесло, ни художество не могут процветать без свободы в действиях своих [1, с. 207].

В первые годы царствования Александра I развернулась дискуссия о дальнейших путях развития России. Известный экономист, последователь А. Смита – А.К. Шторх, учитель великих князей Константина и Николая Павловичей, заявлял в своем курсе политической экономии (изданном на французском языке в 1815 г.) что, «если несмотря на все поощрения промышленности в течение полутора столетий, она до сих пор сделала так мало успехов, то виной является преимущественно рабство ... В промышленности преимущество свободного рабочего над рабом еще более очевидно, чем в земледелии» [1, с. 208]. Официальный «Санкт-Петербургский журнал», проповедуя учение А. Смита, писал: «обязанность правительства весьма легка: оно не должно действовать, ему надлежит только не вредить, ему должно только покровительствовать своей промышленности». Противники промышленной России утверждали, что стране земледельческой фабрики не нужны [Там же].

Развивавшиеся в начале XIX века торговля и промышленность все более нуждались в законодательном оформлении. В 1800 году появился «Устав о банкротстве», расширивший возможности деятельности купцов. Законодательные акты 1805–1807 годов определяли порядок регистрации, права и ответственность собственников. В 1807 году Александр I провозгласил Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий» [2, с. 969–970]. Этот документ более известен в исторической литературе как «Закон о товариществах». В

начале века на основе изданных законов определились организационные правовые формы предприятий – единоличные (частно-индивидуальные формы), торговые дома (полные товарищества, товарищества на вере) и акционерно-паевые общества. В 1824 году был принят очередной закон о гильдиях, который впервые определил купечество 1-й гильдии как особый класс почетных граждан государства. При Александре I учреждены журналы, знакомившие предпринимателей с постановлениями правительства и сведениями о промышленности и торговле в России и за границей, например, «Мануфактур и торговли», «Горный журнал» и другие.

Торгово-промышленное законодательство активнее развивалось в период царствования Николая I. В 1831 году были приняты положения о купеческих книгах, а в 1832 году появилась целая серия уставов. Среди них наиболее интересен «Устав о торговом судопроизводстве и судоустройстве». В соответствии с уставом в России впервые вводились коммерческие суды, которые разбирали конфликты между предпринимателями в области торгово-промышленных сделок. Важное значение имели «Вексельный устав» и «Устав о торговой несостоятельности». Характерно, что вексельное право в России юридически было оформлено раньше, чем другие элементы торгово-промышленного законодательства. Еще в 1729 году право «обязываться векселями» было предоставлено всем правоспособным гражданам, но при Екатерине II это право предоставлялось только купеческим сословиям. В начале XIX века произошел обратный процесс – расширились категории граждан, обладающих этим правом. В 1832 году вексельным правом обладали лица, ведущие торговлю при условии приписки к одной из гильдий [3, с. 11,21; с. 4].

Международное значение имело «Положение о компаниях на акциях», утвержденное Николаем I в 1836 году и поставившее Россию в один ряд с европейскими странами, вступившими к тому времени на путь индустриализации. В положении учитывалась особенность России – активное государственное попечительство, а статья 2 положения вводила концессионную систему возникновения акционерных обществ, согласно которой ни одна компания не могла возникнуть без особого разрешения правительства. Как отмечает И.В. Поткина, в разработке систематического

акционерного законодательства в 30-е года XIX века Россия делала одну из первых попыток в мире [4, с. 18]. Существует мнение, что в стране были созданы минимально необходимые юридические нормы «акционерного учредительства с сохранением за правительством эффективных средств воздействия» [5, с. 37, 55].

В 1832, 1842 и 1857 годах была проведена всеобщая кодификация и составлены систематические Своды законов. В 30-е годы торговые законы были выделены в особый том «Свод учреждений и уставов торговых». При этом они стали частью законов, относящихся к государственному благоустройству. Государство стремилось установить административный надзор, а не регулировать частные коммерческие отношения. Таким образом, сохранялась особенность России – государственное вмешательство в деятельность частных предпринимателей [3, с. 22].

Составной частью законов о государственном благоустройстве являлся «Устав о промышленности». Дореволюционные правоведы считали, что забота государства о промышленности определялась стремлением оградить ее от иностранной конкуренции и обеспечить рабочими руками. Проблемы внутреннего регулирования деятельности предприятий правительство не интересовало, поскольку большинство рабочих были крепостными крестьянами. Однако в 30-е годы все активнее происходила замена крепостных рабочих вольнонаемными, и было необходимо регулирование отношений между рабочими и хозяевами предприятий. В 1835 году были приняты положения об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму. Таким образом, в 30-е годы XIX века была издана целая серия законов и указов, посвященных развитию предпринимательства (вексельный устав, устав о банкротях, о бирже, об акционерных компаниях и др.) и имеющих целью закрепить жесткий надзор и вмешательство в эту деятельность со стороны властных органов в столице и на местах. Однако указы и законы Николая I были малоэффективны, так как большинство из них не выполнялись предприимчивыми вельможами, откупщиками, придворными банкирами, подрядчикам и узкой группой привилегированных предпринимателей, связанных с казной и госаппаратом.

Ситуация изменилась во время реформ второй половины XIX века,

когда расширилось и получило новые права предпринимательское сословие. В «Положении о губерниях» 1857 года (в статье 562) указывалось, что переход мещан в купечество своего или других городов совершается по взятии ими на свое имя купеческого свидетельства и по предъявлении квитанций об уплате всех повинностей по первоначальному званию [6, с. 803]. Законы от 1 января 1863 года и 9 февраля 1865 года изменяли отношение к отечественным и иностранным предпринимателям, устанавливая в России принципы бессословности и равенства русских и иностранных подданных. На практике эти принципы не были выдержаны до конца. Лишь новое «Положение о промысловом налоге» 1898 года окончательно отвергло сословное начало и право на занятие торговлей и промышленностью. В 80-е годы XIX века правительство пересмотрело ряд законов, составлявших основы предпринимательской деятельности. Например, в 1887 году правительством было «проведено коренное изменение в распределении содержания старого свода торговых узаконений» [7, с. 35]. Существенно преобразилось и фабрично-заводское законодательство, завершившееся в 1892 году принятием нового «Устава о промышленности». Эти и другие законы и постановления изменили статус и положение предпринимателей, создав относительно благоприятные условия для развития частного бизнеса, накопления капитала, активизации общественной деятельности предпринимательского сословия.

Укрепление экономического положения предпринимателей было одним из факторов их участия в общественном призрении и благотворительности. Мотивации стимулировались внутренними потребностями предпринимателей или государством. Базу мотивации определяли менталитет и воспитание, основанные на религии и вере.

За активную благотворительную деятельность предприниматели имели возможность получить звания и награды. Поэтому нельзя согласиться с мнением В.Л. Прохорова, который пояснял, что многие социальные заведения в условиях царской России представляли собой элементы гражданского общества, существовали на принципах самофинансирования. Исходя из этого, он делал вывод: «Они не являлись государственными учреждениями, поэтому за пожертвования, приносимые им, благотворители-предприниматели не могли рассчитывать на чины, звания и ордена, что предопределяло добровольность таких

пожертвований как наивысшую степень свободного волеизъявления граждан» [8, с. 124]. Этот уровень мотивации также тесно связан с ментальностью предпринимателей.

Действительно, в среде российских предпринимателей были сильны традиции и религиозное воспитание. Роль церкви и самой христианской идеологии в развитии традиций благотворительности были очень велики. Будучи богобоязненными людьми, предприниматели, как и другие, слои населения, стремились благими делами вымолить прощение у бога за вольные или не вольные грехи. Значительная часть представителей делового мира второй половины XIX – начала XX веков воспитывались в семьях, достигших своего положения путем огромного напряжения сил, реально знавших о нужде. Поэтому с детства воспитывалось сострадание к нуждающимся людям. Следует также отметить характерную черту, сформировавшуюся веками и отличавшую Россию от стран запада – это отсутствие культа денег и богатства. Эту черту очень точно подметила и прекрасно выразила метафорой М. Цветаева: «... сознание неправды денег в русской душе невытравимо» [9, с. 7]. Таким образом, христианская вера и воспитание в традициях семьи сформировали морально-этическую основу предпринимателей и их деятельности.

По своему положению и «капитальности» существовали различные группы предпринимателей. Среди них выделялись элитная группа предпринимателей, гильдейское купечество и другие. Элитная группа – это ведущие представители делового мира, сосредоточившие в своих руках одновременно финансовый, промышленный и торговый бизнес. Одновременно элитная группа предпринимателей занимала по пять или более административных должностей. Представители крупной буржуазии занимали 354 административные должности в 286 отечественных и одной иностранной компаниях. При этом 34 человека входили в руководящее звено 18 коммерческих и трех акционерных земельных банков. Среди банков преобладали ведущие учреждения коммерческого кредита с правлением в Петербурге, Москве и Варшаве. Дельцы из руководства петербургских банков участвовали в более чем в 100 акционерных обществах [10, с.117]. Многие представители элитной группы буржуазии начали свое дело в середине XIX века. В первое пореформенное десятилетие появились «хлопковые бароны» Кнопы, банкиры и

золотопромышленники Гинцбурги, банкиры Поляковы, кожевенные заводчики Брусницыны и другие.

Значительная группа представляла высшие предпринимательские городские сословия – гильдейское купечество и потомственные почетные граждане. Некоторые из них были иностранцами, принявшими русское подданство – А.И. Грубе, Э.Е. Линдес, А.И. Петрокино и другие. Основная часть иностранных предпринимателей сохранили за собой статус иностранцев. Одной из наиболее значительных фигур среди них был директор Петербургского международного банка А.Ю. Ротштейн. Были среди предпринимателей выходцы из городов и местностей западных и юго-западных губерний России: Бродские, М.А. Варшавский, Я. Зайцев, В.Т. Максимов и др. Целый ряд предпринимателей имели чиновные звания, причем преобладали носители высоких званий в основном чиновники IV и III классов (действительный статский и тайный советник), получившие чины в бытность на государственной службе. Среди них были бывший директор Горного департамента министерства государственного имущества И.А. Скальковский, бывший директор одного из департаментов Министерства юстиции Я.И. Утин, член управления Государственного коннозаводства К.Л. Вахтер, председатель Петербургского биржевого комитета А.Я. Прозоров, бывший управляющий канцелярией Министерства юстиции Н.Н. Суцов и другие. Следует отметить, что петербургские предприниматели в силу размещения и проживания в столице имели большие возможности для занятия административных и государственных должностей, что укрепляло их прочную позицию в предпринимательской деятельности. При этом важную роль играло государство в лице представителей царской фамилии, которые своим примером привлекали зажиточные слои населения к финансированию благотворительности. Кроме этого, петербургские предприниматели в силу своего положения имели больше шансов получить дворянское звание, в этой ситуации благотворительная деятельность была совсем не лишней.

Авторы исследования предпринимательства в России отмечают, что: «Анализ сословно-социальных характеристик показывает, что к дворянскому сословию принадлежало более трети всего состава данной группы. Некоторые из них принадлежали к «новому дворянству», получив доступ в сословие «по чину», «по ордену» или по «высочайшему

повелению. (К.Л. Вахтер, Л.С. и И.Л. Поляковы, А.Я. Прозоров, Я.И. Утин). Встречались среди таких дворян и носители баронских титулов (Гинцбурги, Кнопы)» [10, с. 119]. Но число подобных предпринимательских кланов было не велико. Несмотря на активную предпринимательскую деятельность и благотворительность, без которой иногда было не возможно получение титула, звания или награды, в среде титулованной аристократии предприниматели оставались лишь «мещанином во дворянстве». В этой связи особенно важно было иметь «лицо» в обществе и в высших кругах. Для этого была необходима активная общественная благотворительная деятельность и ее реклама. Специфика социально-экономического положения предпринимателей создавала соответствующие мотивации для благотворительной деятельности. Таким образом, предприниматели часто стремились обратить на себя внимание властей для повышения своего статуса и экономического процветания.

Одна из особенностей развития торгово-промышленного сословия была связана с зависимостью частного капитала России от государственных заказов и поддержки со стороны самодержавной власти. Понимая эту зависимость, государство стимулировало благотворительную деятельность предпринимателей, привлекая их капиталы в социальную сферу путем поощрения благотворителей и меценатов – награждением орденами, представлением финансовых льгот, производством в дворяне или в почетные граждане, выдачей персональных пенсий и пособий. Сотрудники благотворительных учреждений имели право на ношение мундиров и особых жетонов.

Признание заслуг предпринимателей в сфере призрения и благотворительности отмечалось правительственными наградами. К середине XIX века в России существовало 8 орденов, некоторые из которых подразделялись на степени. Для гражданских лиц счет орденов начинался с ордена Станислава 3-й степени. Система награждений орденами имела свои особенности. Исследователей орденов и медалей царской России А.А. Кузнецов считает, что: «Возможность награждения определенными орденами зависела от многих обстоятельств: от класса чина, должности, выслуги, уже имеющихся наград. Для чиновников первостепенное значение имело и отношение начальства. Таким образом,

связь между действительными заслугами людей и рангом получаемых наград бывала часто не прямой, а обратной. Низшие степени орденов порой добывались большим трудом и выдающимися ратными подвигами, в то время как самые высокие, почтеннейшие награды раздавались в известных кругах с необыкновенной легкостью – по случаю юбилеев, праздников, торжественных церемоний» [11, с. 19].

Государство использовало также мотивации сословного роста, связанные с возможностью перехода предпринимателей в более высокие сословия. Для многих мелких чиновников, предпринимателей и даже офицеров награждение орденом было не только почетно и престижно. Получив орденский знак, они могли рассчитывать на приобретение прав потомственного дворянства. Попасты в это привилегированное сословие можно было, достигнув определенного чина, либо заслужив ордена. Однако следует отметить, что в течение всего XIX века необходимые для этого «класс чина» или «ранг ордена» постоянно повышались. Первые ограничения, последовавшие в 1826 году, касались награждения орденами купцов. С 1845 года потомственное дворянство получали граждане, имевшие орден Анны 1-й степени, тогда же на 10 лет прекратили награждение орденами Станислава 2-й и 3-й степеней. Раздача их возобновилась в 1855 году. В это же время статус потомственного дворянина мог получить гражданский человек, дослужившийся до чина статского советника. Во второй половине XIX века потомственными дворянами становились только при получении ордена, особенно гражданские чины. С 1875 по 1884 годы 40 % лиц, вошедших в привилегированное общество потомственных дворян, заслужили эту привилегию по чину, а 60 % – по ордену, а с 1882 по 1896 год – 28 и 72 %, соответственно. В 1900 году введено новое правило, по которому в потомственные дворяне переводились гражданские лица, награжденные орденом Владимира 3-ей степени [11, с. 20–21].

Среди купечества были распространены награды в виде медалей. Медаль «За усердную службу», предназначавшаяся для купцов, мещан, крестьян за заслуги перед государством и службу на выборных должностях. Медаль «За усердие» предназначалась для награждения купцов и мещан за услуги, оказанные правительству, в том числе за благотворительную деятельность. Медаль «За полезное» была

предназначена для различных слоев населения за особые заслуги перед государством в области промышленности, торговли и сельского хозяйства, а также за крупные пожертвования [12, с. 364, 365, 367, 370]. В отличие от орденов, медали не давали преимуществ, а служили моральным удовлетворением награжденным. Таким образом, власти создавали морально-этические, сословные и экономические мотивации предпринимательской деятельности, в том числе в области благотворительности и признания.

Зависимость от самодержавной власти отражалась на формировании и развитии предпринимательского сословия. Положение предпринимателя-капиталиста в пореформенной России определялось двумя критериями: 1) предприниматель был носителем прогресса, способствовавшего развитию производительных сил в обществе; 2) капиталист являлся новым эксплуататором, заставлявшим работать на себя массы неимущих рабочих и обогащавшимся за счет их труда. Тем самым определялась другая сторона мотивации благотворительности экономического характера. Она была связана со стремительным процессом капитализации страны, утверждением новых капиталистических отношений, урбанизацией, т. е. ростом населения городов за счет пришлого элемента (в основном крестьянства), чей уровень жизни был весьма низок, а способность к адаптации в новых условиях – незначительна. В этой связи личные экономические интересы промышленников, буржуазии являлись стимулом «межсоциальной» мотивации, связанной с участием в признании и благотворительности малоимущих социальных слоев. Интересы получения прибыли диктовали необходимость создания нормальных условий для труда рабочих. Таким образом, мотивация действий предпринимателей отражала как уровень развития социального сознания, так и характер конкретных условий жизни, преломляющихся в морально-этических категориях.

Капитализация страны, развитие частного сектора в экономике, создание новых отраслей промышленности, строительстве промышленных предприятий и железных дорог и других объектов способствовали модернизации страны. Это порождало новые экономические и социальные проблемы. Экономические мотивации способствовали значительным успехам, достигнутым в добыче каменного угля, она увеличилась в 7 раз,

добыча нефти – в 40 раз, выплавка чугуна – в 6 раз, стали – в 30 раз и т.д. За 20 лет – с 1877 по 1898 годы сумма производства фабрично-заводской промышленности выросла почти в четыре раза – с 541 млн. до 1816 млн. рублей [13, с. 7–8]. Происходившие процессы внесли изменения в общественное хозяйство, которые вызвали быстрый рост промышленного производства, в значительной степени основанный на механизированном труде. Однако рост промышленности происходил в условиях, когда имели место низкая квалификация и полная необеспеченность рабочих, тяжелые условия их деятельности, неподготовленность к новым условиям жизни в промышленном городе, в частности крестьянства, малоземелье и оскудение крестьянских хозяйств, недоступность благородных развлечений для большинства населения, пьянство. Сложившаяся ситуация привела к росту социальной напряженности, поскольку простые случайности часто выбивали человека из нормальной жизни и являлись источником нищенства.

Капитализм, ускоривший процесс развития буржуазии, сопровождался определенной динамикой социальной среды общества, приводящей к обнищанию широких слоев населения. С одной стороны новые условия экономической жизни страны укрепили состояние предпринимателей, их финансовую базу, а с другой породили многочисленные социальные проблемы, решение которых государство во многом традиционно перекладывало на общество.

Ещё с XVIII века в социальном регулировании установилась двойственная – карательная и условно гуманистическая практика в сфере фабричного законодательства относительно неимущих социальных слоев. История фабричного законодательства, начавшаяся еще при Петре I, имела определенную логику развития. Зависимость России от Ганзейских городов, Голландии и Англии в обеспечении русской армии и флота определили стремление царя создать национальную фабрично-заводскую промышленность. Для развития государственной и частной промышленности на базе «дешевых рабочих рук» «недворянам» в 1721 году было предоставлено право (ранее эта льгота-привилегия существовала только для помещиков-дворян) покупать деревни с крестьянами. Это создало новую категорию крепостных – фабричных рабочих. После этой льготы началось использование на фабриках

женского и детского труда. Указ от 6 апреля 1722 года приказывал силой «употреблять к казенным работам молодых, бродящих, нищих» [14]. Рабочие также формировались из беглых крепостных крестьян, детей и казенных людей. Подобная политика формирования кадров для промышленных предприятий продолжалась и после Петра I. При Петре I право устройства новых фабрик и заводов превратилось в государственную привилегию. Частная промышленность развивалась под контролем и с разрешения императора. Система регламентаций и привилегий сохранилась в послепетровское время. Органом, непосредственно ведавшим делами фабрично-заводской промышленности с 1723 по 1727 годы была Мануфактур-коллегия, с 1727 года все дела перешли в Мануфактур-контору при Сенате, а с 1731 года все дела, касавшиеся фабрик и заводов империи, в том числе лично касавшиеся фабрикантов и заводчиков сосредоточились в Коммерц-коллегии. Жесткая регламентация государства тормозила рост частной инициативы в развитии промышленности, и не стимулировала решение социальных проблем, возникавших в процессе промышленного развития.

В 1732 году в целях обеспечения всем необходимым армию, правительству пришлось идти на уступки и облегчить порядок открытия новых фабрик и заводов. Положение рабочих при этом ухудшилось. В 1736 году императрица Анна Иоанновна издала «Генеральный указ о всех фабриках». В указе императрица повелела насильственно отдавать на фабрики городских праздношатающихся и нищих, и, наконец, фабриканты получили почти неограниченную власть над всеми своими рабочими.

В 1736 году, спасая фабрики от упадка и разорения, Анна Иоанновна предписала: «Всех, которые поныне при фабриках обретаются и обучились какому-нибудь мастерству», оставить в заведении навечно, уплатив их бывшим хозяевам, помещикам или казне за каждого по определенной таксе. [15]. Эти примеры показывают историческую связь политики государства по отношению к нищим, бродягам, праздношатающимся с фабрично-заводским законодательством.

Одним из важных документов, закрепивших крепостное положение рабочих, были принятые в 1741 году два документа: «Регламент» и «Работные регулы» для суконных и горных предприятий [16]. «Для предупреждения всяких впредь худых следствий» регулы закрепляли 17-

часовой рабочий день в период март-октябрь, 16-часовой рабочий день – в период ноябрь – февраль. На основании регул были установлены штрафы за опоздание на работу, привлекались к работе на предприятиях жены и дети рабочих, устанавливался также максимум заработной платы. В законе предусматривались только права хозяев и обязанности рабочих. Таким образом, «Работные регулы» определяли круг необходимых социальных вопросов, решение которых возлагались на фабрикантов. По оценке И.И. Шелымагина «ни регламент», «ни регулы» серьезного практического значения не имели и не внесли нового в отношения хозяев и рабочих.

В 1762 году (29 марта) последовал закон, ограничивший фабричное закрепощение. Императрица Екатерина II в Указе 1775 года предоставила «безпередельную свободу» устройства промышленных заведений без какого-либо дозволения властей. Во второй половине своего царствования эта «свобода промышленности» была ограничена двумя законами 1785 года: «Грамотой на права, вольности и преимущества Российского дворянства» и «Грамотой на права и выгоды городам Российской империи». Преимущественное право устройства фабрик оставалось за дворянами в деревнях. Среди других сословий право устройства фабрик предоставлялось купцам первой и второй гильдий. Таким образом, фабрично-заводская промышленность сделалась монополией дворянства и представителей предпринимательского сословия (купцов).

В начале XIX века правительство Александра I в отношении к фабричной промышленности стремилось к децентрализации управления и развитию частной предприимчивости. Это выразилось в постепенном закрытии, продаже и передаче в арендное пользование нерентабельных казенных фабрик, в передаче местной администрации прав открытия новых фабрик и решения вопросов перехода их от одних владельцев другим. В Указе от 28 декабря 1818 года право открытие фабрик предоставлялось не только дворянам и купцам, но и крестьянам, при условии уплаты сословных пошлин за гильдейское свидетельство. Уплачивая гильдейские пошлины, они считались как бы «временными купцами». Это положение сохранилось к 1898 году до нового «Положения о государственном промысловом налоге», в котором сословные права купечества были отделены от вопроса о налоге с торговли и промышленности. Манифест 14 ноября 1824 года распространил право

открытия фабрик и заводов на мещан. В результате торгово-промышленное сословие расширялось за счет крестьянства и мещанства.

В конце 30-х годов XIX века в российской промышленности стали использоваться английские паровые машины, требовавшие от владельцев больших затрат и интенсивного, квалифицированного, вольнонаемного труда рабочих. В связи с этим активнее происходила замена крепостных рабочих на вольнонаемных рабочих, и неизбежно возникала необходимость регулирования отношений между рабочими и хозяевами предприятий. В 1835 году были приняты «Положения об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму». В 1839 году Государственный совет признал: «Ныне, когда в простом народе распространился дух фабричной промышленности и число вольных рабочих и мастеров быстро увеличивается, удобнее и едва ли не выгоднее для фабрикантов иметь сих людей по найму, нежели держать собственных и приписных» [17, с. 108]. Решение правительства не обязывало фабрикантов переходить от принудительного к вольнонаемному труду, а предоставляло лишь право на это, однако число вольнонаемных рабочих быстро росло. Сложившееся отношение к рабочим как к собственности сохранилось и по отношению к наемным рабочим, хотя крепостное право до 1861 года сдерживало использование свободного труда в промышленности.

Реформы второй половины XIX века способствовали стиранию сословных граней, изменялось законодательство в отношении заводладельцев. Право на открытие промышленного предприятия предоставлялось местным органам власти. В определенных случаях требовалось согласование вопроса с Министерством внутренних дел, финансов и других ведомств. В Петербурге право на открытие производства предоставлялось градоначальнику, а в Москве – обер-полицмейстеру. В случаях открытия фабрик в Петербурге вопрос рассматривался Министром финансов и согласовывался с Советом торговли и мануфактур.

Важный правительственный документ – «Устав промышленности», принятый в 1862 году рассматривал вопросы о надзоре за фабриками и заводами, о промышленных судах.

Отмена крепостного права повлекла за собой не только активное

развитие фабричной и заводской промышленности, но и рост социальной активности рабочих в борьбе за свои права. Государство активно вмешивалось в отношения между рабочими и работодателями, прежде всего, принимая новые законы в сфере труда. Первый закон о сохранении жизни и здоровья рабочих – Закон о работе малолетних – появился 1 июня 1882 году и вошел в силу 1 мая 1884 года. В том же году 12 июня был издан закон о школьном обучении малолетних, а в 1886 году была запрещена на некоторых производствах ночная работа подростков обоего пола.

Временный закон от 26 августа 1866 года обязывал фабрикантов устраивать при фабриках и заводах больницы для рабочих из расчета: одна кровать – на сто рабочих. Указания о порядке оказания медицинской помощи, о количестве медицинского персонала, о частоте врачебного приема и другие были изложены в обязательных постановлениях губернских по фабричным делам присутствий. Врачебная помощь должна была предоставляться рабочим за счет владельца предприятия. Однако фактически только при некоторых крупных промышленных предприятиях имелись медицинские учреждения. [18, с. 108–109].

В это время появился институт фабричной инспекции, утвержденной при Министерстве финансов по департаменту торговли и мануфактур. На инспекции возлагались обязанности по учреждению школ для начального образования малолетних рабочих, наблюдение за исполнением правил о врачебной помощи и обязательных постановлений и другие обязанности социального характера.

К концу века фабриканты промышленных районов выступали с требованиями к правительству об издании фабрично-трудовых законов.

Совершенно очевидной была заинтересованность владельцев фабрик в квалифицированном труде рабочих на дорогостоящем оборудовании, чем использование малоквалифицированного труда, особенно детей. Этим можно объяснить обращение владельцев ряда крупных петербургских текстильных фабрик со специальным заявлением в Министерство финансов. В заявлении говорилось о поддержке фабрикантами идеи запрещения труда детей до 12 лет на текстильных предприятиях, об установлении для подростков 6-часового рабочего дня, молодежь до 18 лет не должна была работать в ночную смену [19, с. 63]. Такая поддержка

реформ со стороны буржуазии объяснялась личной заинтересованностью и выгодностью для предпринимателей законодательного регулирования фабрично-заводского быта. Во многих губерниях, областях империи и в крупных городах, таких как С.-Петербург, были учреждены Присутствия по фабричным и горнозаводским делам, состоящие под председательством губернатора или градоначальника, их старшего фабричного инспектора, окружного горного инженера, представителей полиции, прокурорского надзора и местных фабрикантов и горнопромышленников. Присутствия в определенной степени имели статус руководящих органов в деле надзора за внутренним благоустройством фабрик, заводов и выполняли функции административного суда по различным нарушениям правил о найме рабочих и служащих и в отношениях между фабрикантами и рабочими.

Приведенные выше факты свидетельствуют о появлении в России элементов законодательства, направлявших или обращавших внимание фабрикантов и заводчиков на развитие социальной защиты собственных рабочих. При этом отметим, что действовавшие законы не обязывали владельцев промышленных предприятий к устройству школ для малолетних рабочих. Законы ограничивались только требованием, чтобы для малолетних, которые не имели свидетельств одноклассных народных училищ, владельцы фабрик предоставляли возможность посещать школу не менее трех часов ежедневно или 18 часов в неделю [20, с. 457].

Своеобразным показателем стремительного роста промышленного права является тот факт, что уже к 1913 году более 200 норм «Устава о промышленном труде» были посвящены урегулированию вопросов в сфере труда. К началу XX века появились многочисленные правила и положения о найме на работу, в которых общие нормы права конкретизировались для особых сфер деятельности, вида предприятия, выполняемой трудовой функции.

Таким образом, социально направленная деятельность предпринимателей, вызванная специфическими условиями развития капитализма в России, часто считалась благотворительной. Однако, не отрицая элементы благотворительного характера, думается, что данная деятельность торгово-промышленного сословия скорее являлась выполнением необходимых минимальных социальных гарантий. Следует также подчеркнуть, что сами законопроекты, внесенные Министерством в

1908 году, были приняты лишь спустя почти четыре года – в начале 1912 года. За это время вопрос, например, о врачебной помощи рабочим не получил конкретного решения. Промышленники имели возможность в сложившейся ситуации, оказывая финансовую поддержку медицинским учреждениям, выдавать ее не за свою обязанность, а как за благотворительные действия.

В записке С.-Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабричного законодательства (1905 г.), отмечался интересный факт: «Число праздничных, нерабочих дней в России больше, чем где бы то ни было за границей: это обстоятельство необходимо всегда принимать во внимание при сопоставлении соответствующих норм, чтобы прийти к правильным результатам. Число рабочих дней для Северного района составляет в среднем не более 288 дней, для центрального спускается даже до 275 дней. Между тем как в Западной Европе оно преимущественно бывает равным 305 дням и вообще не спускается ниже 300, и только в некоторых германских провинциях, понижается еще на 4 дня». Далее делается вывод: «Таким образом, имел место замечательный результат: чтобы сравнить годовое число рабочих часов в механической промышленности России с заграничной, которое несмотря на одинаковые десятичасовые нормы, меньше вследствие большого количества праздников и более короткого рабочего дня в праздничное время, пришлось бы увеличить эту норму с 10 до 11 часов» [21, с. 9].

Государственная политика в сфере «фабричного законодательства» получила развитие в адекватных принципах, законодательных актах и исполнительных формах.

Капитализм, ускоривший процесс развития буржуазии, привел одновременно к обогащению одних и обнищанию других слоев населения. С одной стороны новые условия экономической жизни страны укрепили состояние предпринимателей. С другой стороны – капитализм породил многочисленные социальные проблемы, решение которых государство во многом перекладывало на общество, в то числе на торгово-промышленное сословие. Однако любой предприниматель являлся «человеком дела» и имел свою выгоду в решении социальных проблем. Таким образом, в России по мере экономического развития страны шел процесс развития торгово-промышленного сословия. Наличие государственного

регулирования этого процесса очевидно, законодательство касалось различных вопросов расширения, развития и укрепления торгово-промышленного класса. Однако к началу XX века стройной последовательной системы законов определявших и защищавших интересы промышленников и торговцев не сложилось, равно как и системы фабрично-заводского законодательства. Неслучайно из уст представителей Съезда фабрикантов звучало настойчивые требования подготовки и принятия фабрично-заводского законодательства*.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Помпеев Ю.С.** История и философия отечественного предпринимательства. СПб. - 2002.
2. ПСЗ. I соб. СПб.1830. Т. 29. №22418.
3. **Нерсесов Н.И.** Конспективный курс лекций по торговому, вексельному и морскому праву с процессом.- М., 1890. Торговое право. - С. 11,21. Вексельное право.
4. **Поткина И.В.** Законодательное регулирование предпринимательской деятельности в России // История предпринимательства в России. Кн.2. Вторая половина XIX - начало XX века.- М., 1999.
5. **Шепелев Л.Е.** Акционерные компании в России.- Л.,1973.
6. Указатель правительственных распоряжений по министерству финансов № 47. - 1865. 21 ноября.
7. **Шепелев Л.Е.** Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. - Л. 1981.
7. **Прохоров В.Л.** Российское предпринимательское благотворение :неизвестные страницы (XIX – начало XX вв.). М.,1988.
8. **Цветаева М.И.** Соч. В 2-х т. - Минск, 1988. Т. 2.
9. Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века.- М., 1997.
10. **Кузнецов А.А.** Ордена и медали России.- М., 1985.
11. См.: **Чепурнов Н.И.** Наградные медали Государства Российского.- М., 2002.
12. См.: Всеподданнейший доклад Министерства финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1900 год. – СПб.,1899.
13. ПСЗ. I собр. - Т.VI. № 3545.
14. ПСЗ. I собр. – Т. IX. № 6858.
15. ПСЗ. I собр. - Т.IX, № 8440; Т. XI, 8440.

* Представителями промышленности и торговли была создана крупная организация, объединявшая предпринимателей России – Съезды представителей промышленности и торговли. Учредительный съезд состоялся в апреле 1906 года. Совет Съездов являлся постоянно действующим органом между съездами. За ним закреплялось право представлять и защищать права всей промышленности и торговли перед властями и общественностью [22, с. 348-349].

16. **Туган-Барановский М.И.** Русская фабрика в прошлом и настоящем. - СПб., 1907.
 17. См.: **Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1905–1912 гг.** - СПб., 1912.
 18. См. **Шелымагин И.И.** Фабрично-трудовое законодательство в России (вторая половина XIX века)- М., 1947.
 19. **Россия в конце XIX века.**- СПб.,1900.
 20. **Записка С.-Петербургского общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности // К законопроекту «О продолжительности и распределении рабочего времени в промышленных заведениях».**- СПб., 1905.
 21. См.: **М.Н. Барышников.** Деловой мир России.- СПб., 1998.
-

PAVLOVA, Olga K. – Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University. 195251. Polytechnicheskaya str. 29, Saint-Petersburg. Russia. E-mail: pavlovaok55@mail.ru.

THE COMMERCE AND INDUSTRY CLASS AND THE LEGISLATIVE CONDITIONS OF TSARIST RUSSIA DEVELOPMENT IN THE XIX CENTURY.

The article deals with some aspects of the commerce and industry class development in Russia. The creation of the legislative conditions for entrepreneurial development is paid much attention to as well as the motivational factors for the enlargement of this class. The political, economic, moral and ethical conditions for commerce and industry class development have been analyzed. The historical peculiarities necessary for creation and development of the class together with the influence of the state on the process have been pointed out. The article is focused on the terms of factory legislation' progress as well as the interest of the entrepreneurs towards the legal regulations of the workers' rights and the adjustment of the relations with the employees. The author has assessed the motivational conditions for the charity activity of the commerce and industry class in Russia.

RUSSIA; COMMERCE AND INDUSTRY CLASS; LEGISLATION; MOTIVATION; DEVELOPMENT; STATE INFLUENCE; FACTORY LEGISLATION; CHARITY.
